

И КАК ВСТАТЬ НЕ СПАСТИ БУНТАРЕЙ ОТ КОСТРОВ

Наш корреспондент беседует с народным артистом России, актером "Ленкома" **Юрием Осиповичем КОЛЫЧЕВЫМ**, которому 15 декабря исполняется 70 лет.

— Юрий Осипович, когда вы испытали первое театральное потрясение?

— Первое? Наверное, когда после окончания Театрального училища им. Щепкина был принят в труппу Малого театра. Потому что попал в такое сообщество театральных Актеров-Мастеров, что до сих пор дух захватывает. К сожалению, невозможно словами передать то, как они играли и в чем именно выражалась магия их священнодействия. Но моим первым театральным "крещением" была роль Петрушки, которую я исполнял, еще учась в училище, — очень маленькая в "Горе от ума". Петрушка, вечно ты с обновкой! — под эти слова я появлялся на сцене. Рядом работал народный артист СССР Константин Александрович Зубов, бывший главным режиссером театра и мастером на нашем курсе. Его последняя роль, по-моему, была в "Порт-Артуре". Он играл блистательно, но рано ушел...

Далее: "К вам Александр Андреевич Чацкий". На сцену выходит великий Царев, уже немолодой, в паричке... Бал в доме Фамусова — на сцене Игорь Ильинский, Варвара Рыжова. Замечательный артист Старковский, его теперь мало кто помнит... Светловидов в последнем акте выбегает на сцену, падает — играет Репетилова. Вот теперь вы можете представить ощущения молодого артиста, когда он попадает в такой "звездный" круг. Целая театральная эпоха ходит рядом, дышит, смеется, поражает, волнует зрителей...

Ведь еще были живы все "великие старухи", как их тогда называли — и Евдокия Дмитриевна Турчанинова, и Александра Александровна Яблочкина. Они все были удивительно подвижные и, одновременно, блистательные.

В первый же сезон после училища я получил роль Незнамова в спектакле "Без вины виноватые". Я очутился на сцене рядом с Еленой Николаевной Гоголевой, Дарьей Васильевной Зеркаловой, Николаем Афанасьевичем Светловидовым. Было отчего голове закружиться.

В театр пришел режиссер Борис Иванович Равенских, которого пригласил Ца-

рев. Режиссерских спектаклей в Малом тогда практически не ставилось. А Равенских работал с Мейерхольдом и поэтому владел режиссурой, делал спектакли с необыкновенными мизансценами. В его "Дороге свободы" я играл негртенка, сына главного героя. А как играл Семен Межинский! В спектакле "Евгения Гранде" он работал так, что съезжалась вся Москва смотреть на его папашу Гранде.

Одна из незабываемых встреч в молодости — с Остужевым. После спектакля иду по коридору, и возле дирекции на стульчике сидит старичок. Я обмер — Остужев! "Иди сюда, — говорит он в нос и показывает, чтобы я присел рядом. — Ты сам придумал эту мизансцену или режиссер тебе подсказал?" — "Режиссер". — "О, это было очень интересно".

С Верой Николаевной Пашенной я играл в "Иване Грозном". Я был ее сыном, князем Старицким — двоюродным братом Ивана Грозного, которого все бояре стремились уничтожить. Вера Николаевна — это актриса колоссального масштаба, это такая мощь!

Я работал с этими людьми, отмечали вместе праздники, сплетничали — все бывало! Это же жизнь. Но они прямо и косвенно оказывали неоценимую помощь при моем становлении, лепили меня как артиста. Я это сейчас особенно остро ощущаю с позиции прожитых лет. А тогда... По молодости делалось много глупостей, о которых, может быть, сейчас и жалею. Успех в роли Незнамова слегка вскружил голову. Я вел богемистскую жизнь, думал, что со всем теперь могу справиться сам, что даже могу уйти, чтобы стать свободным художником. Что, в общем-то, и проделал через шесть лет.

Я уехал на целину с какой-то гастрольной бригадой.

— Любовь к свободе — это у вас генное?

— В некотором смысле. Дед был одесским журналистом. Любимый псевдоним — "Доктор Фауст", отец — поэт. Но суть не в этом. Я хотел людей посмотреть и себя показать. Главное, что вовремя понял: нужно возвращаться в театр. Потому что театр — искусство коллективное. Я пришел в Театр им. Ленинского комсомола. Только что ушел Берсенев... Но я застал великих актрис — Бирман, Гиацинтину, работали на сцене Пелевин, Соловьев, Вовси. Это

были очень хорошие артисты. Но остро чувствовалось отсутствие режиссера. Мне повезло — пришел Эфрос.

В первом же спектакле "В день свадьбы" по пьесе Розова я сыграл Михаила. С этим спектаклем театр сразу же взял очень высокую планку и стал серьезным явлением в культурной жизни столицы. Рядом работали Гафт, Ширвиндт, Збруев, Дмитриева, Круглый...

А через некоторое время пришел Марк Анатольевич Захаров, который возглавляет нашу труппу вот уже 25 лет. Он поставил "Тилля", где я играл Клааса. В главной роли — Коля Караченцов. Несравненная Инна Чурикова появилась на сцене в эту пору, она пришла как раз на главную женскую роль.

— Я до сих пор помню мурашки, пробегающие по коже, когда на нас, зрителей, "обваливался" хаос децибелов ансамбля "Транс" в сцене казни Клааса. Ваши медленные тяжелые шаги, обрывающийся внезапно задник, когда пространство окрашивалось кроваво-огненным светом. Благородство последних слов, с которыми Клаас прощается с женой. Любовь, приобретающая какое-то пронзительное надзвездное звучание...

— Знаете, у меня эта сцена долго не получалась. Как мы над ней бились! И однажды Марк Анатольевич меня сильно обидел. Сейчас я думаю, что это было сделано нарочно. Я чуть не заплакал. Комок застрял в горле, монолог пошел сквозь новое ощущение незаслуженной обиды. И вдруг все замерло... И режиссер замер. Потому что — произошло.

Для меня очень важной была работа в спектакле по пьесе Л.Петрушевской "Три девушки в голубом". О таких произведениях говорят — "чернуха". Но Захаров сумел обойти эти душевные места в пьесе и финал сделать истинным очищением. Помогали ему в этом Татьяна Пельцер, Инна Чурикова и многие другие замечательные актеры нашего театра — Людмила Поргина, Борис Чунаев, Светлана Савелова. Спектакль мы пробыли долго. Два года его не принимало Управление культуры. Но "Ленком" знает работы, которые сдавались и по 7 раз.

Я думаю, что Марку Анатольевичу в такие минуты помогает вытаскивать вся труппа. Режиссер — всегда лидер. Мало того

что создает спектакли, но он еще и людей за собою ведет. Он организует коллектив, организует его жизнь. И — или поднимает театр своей плотью и кровью, или, наоборот, театр падает вниз, и тогда — конец. Вот посмотрите на печальную судьбу товстопоговцев — сердце кровью обливаясь.

Захаров сумел создать иерархически звездную команду, со своими традициями, с преемственностью поколений, постоянно обновляющуюся молодой талантливой "кровью". Каждый год к нам приходит молодежь, которая активно играет репертурные спектакли. Но то, что к нам пришли и Бронева, и Джигарханян, — это тоже его заслуга. Посмотрите, какая гроздь имен — Янковский, Чурикова, Абдулов, Караченцов, Збруев... Более молодые — Лазарев, Певцов, Захарова, Леонов. И совсем молодые, такие, как Щукина, Миронова... Всех перечислить невозможно. Но я их очень люблю и рад выразить этим людям свое восхищение и благодарность за возможность совместного труда.

— Что такое, по-вашему, театральное счастье?

— Вы знаете, это, наверное, совокупность составляющих, часть из них я уже назвал: режиссер и партнеры. Плюс контакт со зрительным залом. Зритель всегда требует энергии, которую надо обязательно из себя извлечь и выплеснуть. Если это получается, то сразу чувствуется ответная отдача — все замирает. Зритель привлечен тем, что ты делаешь и хочешь сказать. А это в свою очередь дает тебе новый импульс. Вот это и есть, наверное, счастье театральное, когда возникает такая тишина, что муха не пролетит. И, значит, зрители поверили актеру и пошли за ним.

Елена КУРБАНОВА.

Мое. Москва. — 1998. — 11 апр. — с. 11.

Некоторые мысли Осиповича
11.12.98.